

фаворит императрицы, имеет огромное и все возрастающее влияние при дворе так же, как Антиох, его покровитель¹.

К некоторым известиям автор относится безразлично или иронически, другие передает с некоторой грустью. Таково письмо 127, адресованное брату, где он говорит об отставке praefectus augustalis Александрии Пентадия, дружественно настроенного к Синезию, и о замене его лаодикийцем Евталием, о котором Синезий сообщает компрометирующие его сведения: указанный Евталий сделался правителем Лидии во времена Руфина и жестоко грабил лидийцев. Разгневанный Руфин наказал его штрафом в 15 фунтов золота и послал вернейших своих служителей взыскать этот штраф. Но Евталий не растерялся. Он заготовил две одинаковые сумки, одну наполнил золотыми номисмами, а другую — медными оболами, и когда приемщики расписались в получении штрафа, он ловко подменил мешок золота мешком меди. Этот ловкий поступок вызвал в обществе не осуждение, а всеобщее восхищение. Евталий, говорит Синезий, торжественно проезжал как чудесный фокусник на государственной колеснице по изумленным городам. И вот он скоро будет наследовать Пентадию².

В целом Синезий был доволен своей жизнью. Подробную характеристику ее он дает в длинном 57 письме „против Андроника“. „С детства, — пишет Синезий, — мне представлялось божественным благом жить в досуге и изобилии и, обладая спокойствием, воспитывать ум и приближать его к богу. Я не был причастен к тем обыкновенным занятиям, которые свойственны детству и юношеству. Также и в совершенном возрасте я оставался свободен от дел и, как в святые праздники, проводил свои дни в невозмутимо мирном и спокойном расположении духа. Однако бог сделал меня не бесполезным для людей, но весьма часто моей помощью пользовались как частные лица, так и целые города. Мне была дана божеством возможность приобрести доверие людей, и этим доверием я пользовался для добра. Ничто не отрывало меня от философии и не сокращало моего досуга. Та деятельность, которая отнимает у нас время и опутывает наши души практическими заботами, сопровождается незначительными результатами и потому она пагубна и тягостна. Но когда достаточно открыт рот, и слова сами собой производят должное действие и могут спасти от несчастья, можно ли тогда скупиться на речи... Мое влияние как оратора, быть может, было даром божественного милосердия. Может быть, я имел успех и потому, что только изредка занимался общественными делами... Я жил в мире с прекрасной надеждой как бы за священной оградой, жил свободной жизнью, разделяя ее между молитвой, книгами и охотой. Ибо для того, чтобы тело и душа находились в здоровом состоянии, необходимо молиться и трудиться. И в таком спокойствии я проводил годы до моего избрания на священническую должность“³.

Таким образом, Синезий сам признает, что он любил выступать ходатаем по делам своих соотечественников и что он был проситель влиятельный, т. е. его ходатайства почти всегда увенчивались успехом. Он забывает только прибавить, что он действовал почти исключительно в интересах своих друзей, родственников, людей и лиц, принадлежащих к той же классовой группировке. И мы не имеем оснований считать, что Синезий переоценивал свои заслуги. Он имел влиятельных друзей

¹ PG, t. 66, col. 1492—1493. Он был в 404 г. comes sacrarum largitionum. Антиох — куратор, которого по завещанию Аркадия Издегерд назначил опекуном Феодосия II.

² Ibid., col. 1508.

³ Ibid., col. 1388.